

Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл)

Куцаева Марина Васильевна, Институт языкознания РАН (Москва); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Настоящая работа является второй в цикле статей, посвященных языковым биографиям представителей марийской диаспоры московского региона, в данном случае — уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл в выборке. Основная цель социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре в 2019—2021 гг., заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры; в частности, были изучены такие аспекты, как сферы использования марийского языка и функции, выполняемые им в диаспоре. Актуальное использование языка во многом определяется и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине.

Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, что при обработке результатов были выделены периоды и общие черты языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык или предмет обучения), дальнейшее образование. Кроме того, были установлены каналы изучения опрошенными русского языка или приобщения респондентов к горномарийскому, в зависимости от их пункта проживания (сельский или городской), а также языки общения с соседями на малой родине. Проведен сравнительный анализ набора языков, которыми владеют респонденты — уроженцы Горномарийского района и выходцы из районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл.

Для обеспечения полноты и достоверности исследования были сопоставлены сведения, полученные от респондентов, с архивными материалами из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» об изучении горномарийского языка в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл с 1960 по 2002 г. (охват когорт в выборке).

Ключевые слова: внутренняя диаспора, марийский горный язык, марийский луговой язык, языковая политика в области образования, семейная языковая политика

LINGUISTIC BIOGRAPHIES OF MOSCOW REGION MARI — NATIVES OF HILL MARI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MARI EL

Marina V. Kutsaeva, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science (Moscow); marina.kutsaeva@iling-ran.ru

The present paper is the second in a series of articles devoted to the linguistic biographies of representatives of the Mari diaspora of the Moscow region, in this case, natives of the Hill Mari district of the Republic of Mari El in the sample. The main purpose of the sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora in 2019-2021 was to identify and describe the functioning of the ethnic language in the conditions of the internal diaspora; in particular, such aspects as the domains of use of Mari and the functions it performs in the diaspora were studied. The use of the language is largely determined by the previous language experience of respondents in their small homeland.

The questions contained in the questionnaire were formulated in such a way that it made it possible, when summing up the results, to single out and highlight the most common features of the respondents' linguistic biographies, such as intra-family communication, pre-school education, school education (the language of instruction and the subject of instruction), further education. In addition, channels for learning Mari and Russian were established, depending on the place of residence of the respondents in their small homeland (rural or urban settings), as well as languages of communication with neighbours in their small homeland. A comparative analysis of a set of languages spoken by the respondents, natives of the Hill Mari district and natives of the areas where the Meadow Mari is spoken in the Republic of Mari El, was carried out.

To ensure the completeness and reliability of the study, the results obtained in the sample were compared with the archival materials from the funds of the State Archive of the Republic of Mari El and focused on Hill Mari use as a language of instruction or a subject of instruction in the educational system from 1960 to 2002 (the cohort coverage in the sample).

Keywords: internal diaspora, Hill Mari, Meadow Mari, language policy in education, family language policy

1. Введение

Марийцы, коренное финно-угорское население Среднего Поволжья, отличаются сильной диаспоризацией. В силу исторических причин (см. [Козлова 1978; Сепеев 2006]) значительная часть марийского этноса (46,9 % от всего марийского населения Российской Федерации, 547 605 чел.) проживает за пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл как компактными, так и дисперсными группами в разных регионах страны, включая московский (численность марийцев составляет 4655 чел., из них этническим языком владеют 1657 чел.; соответственно, доля владеющих — 35,6 %) [ВПН 2010].

В 2019—2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре Москвы и Московской области, цель обследования заключалась в описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Выборка составила 106 человек, сто из них — представители первого поколения диаспоры — являются уроженцами Республики Марий Эл (71 чел.), а также мест компактного проживания марийцев (Республики Башкортостан (18 чел.) и Татарстан (3 чел.), Кировской (5 чел.) и Свердловской областей (2 чел.), один опрошенный — уроженец региона дисперсного проживания мари). В ходе обследования использовался комплекс методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее об опыте социолингвистического обследования см. [Куцаева 2022: 117—118]). Полученные в выборке результаты позволили, в частности, установить сферы использования марийского языка, а также функции, закрепленные за этническим языком в условиях диаспорного проживания группы [Куцаева 2021б].

Актуальное употребление этнического языка обусловлено предшествующим языковым опытом респондентов, в связи с чем автором предпринята попытка описания лингвистических биографий респондентов. Ситуация с марийским языком, помимо воздействия частных экстралингвистических факторов, определяется 1) местом проживания на малой родине (Республика Марий Эл или место компактного расселения марийцев на территории РФ), 2) типом населенного пункта (сельский или городской), 3) общими тенденциями и этапами языковой политики в советское и постсоветское время, что, в свою очередь, находит отражение в языковой биографии респондентов той или иной возрастной когорты первого поколения диаспоры в выборке. Вопросы анкеты были сформулированы таким образом, что при обработке результатов были выделены периоды и общие черты языковых биографий респондентов: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык или предмет обучения), дальнейшее образование; установлены каналы изучения опрошенными русского и марийского языков, в зависимости от пункта проживания (сельский или городской), определены языки общения с соседями на малой родине¹. Первая работа в серии была посвящена описанию лингвистических биографий респондентов, уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл [Куцаева 2022]. Данная статья, вторая в серии, освещает языковые биографии горных марийцев в выборке, выходцев из Горномарийского района Республики Марий Эл.

В Горномарийском районе, наряду с Юринским и частично Килемарским в Республике Марий Эл, распространен марийский горный язык [Грачева 2001: 266]. Проблема номенклатуры марийских идиомов и в прошлом являлась достаточно сложной. В настоящее время вопрос о количестве марийских языков остается неоднозначным как с лингвистической точки зрения (ср. [Галкин, Сибатрова 2013; Кашкин 2018]), так и с социолингвистической: «Государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки» [Конституция РМЭ; Закон]. Респонденты-горномарийцы отметили, что горномарийский является *языком*, а не *диалектом* марийского, в отличие от луговых марийцев, 20 % среди которых полагают, что марийский язык *один*. Некоторые горномарийцы в выборке подчеркнули неравносильный статус горномарийского в сравнении с луговым в образовательной сфере: «У нас горномарийский язык, получается, как бы не считают за язык! Такой еще момент» (№ 21, Ж., 52)². В связи с этим при освещении языковых биографий респондентов будет рассмотрена динамика изучения горномарийского языка в общеобразовательных организациях в качестве предмета изучения или языка обучения. Привлечение архивных материалов из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» за 1960—2002 гг. позволит обеспечить, таким образом, полноту и достоверность нашего исследования.

¹ Узкий, однако интересный с лингвистической точки зрения аспект марийско-татарских языковых контактов в языковых биографиях части респондентов в выборке был отдельно описан нами в [Куцаева 2020а].

² Здесь и далее в скобках последовательно приводятся номер анкеты, пол и возраст респондента.

2. Лингвистические биографии респондентов-горномарийцев в выборке

В выборке в первом поколении 13 опрошенных идентифицируют себя в качестве горных марийцев и являются уроженцами Горномарийского района Республики Марий Эл. Родители респондентов — горномарийцы, выходцы из небольших населенных пунктов в том же районе. Родители респондентов, по утверждению последних, владели горномарийским и русским языками, языком общения между супругами выступал горномарийский в условиях сельской среды и вариант «пятьдесят на пятьдесят», характерный для городской семьи: общение супругов между собой было на горномарийском, тогда как в общении с детьми они переходили на русский язык. Подобный тип коммуникации в целом представляется «традиционным» для городской среды не только в Республике Марий Эл, но и в соседней Чувашской Республике [Куцаева 2020б: 90—97].

Основной водораздел в языковой ситуации с горномарийским (как и в случае в луговом марийском — по результатам в выборке) проходит по линии «городская / сельская среда», что определяет в том числе и язык широкой внешней коммуникации респондентов с соседями на малой родине. В условиях деревни или села, жители которых были преимущественно горномарийцами, языком общения являлся горномарийский. По сообщению опрошенных, проживающие по соседству в очень редких случаях татары или луговые марийцы владели горномарийским, в отличие от русских, в общении с которыми респонденты использовали русский язык. В городе (подразумевается г. Козьмодемьянск, который в настоящее время, согласно официальному административному делению, является центром Горномарийского района, однако не входит в его состав, образуя городской округ) языком межнационального общения выступал русский язык: «В Козьмодемьянске были русские, татары, чуваша, марийцы. Общались на русском» (№ 27, М., 37). Русским языком горожане горномарийцы пользовались и в процессе внутриэтнической коммуникации: «На русском — это было принято, потому что это Козьмодемьянск» (№ 43, Ж., 25). В большей степени это связано с господствующей идеологией *языка-местности*, фактически «приковывающей» язык к определенной, традиционно ассоциируемой с ней местности (де-факто — сельской среде), вне которой употребление этнического языка считается *нелегитимным* и в недостаточной мере *аутентичным* [Куцаева 2021а: 15].

В выборке представлены десять выходцев из сельской среды (среди них семь женщин и трое мужчин в возрасте от 28 до 60 лет) и три уроженца городской среды (двое мужчин и одна женщина в возрасте от 25 до 37 лет). До школы респонденты общались дома на горномарийском (деревенские жители) и русском — горожане. В первом случае это было вполне естественно, поскольку «все вокруг в деревне были горномарийцы» (№ 40, Ж., 48). Что касается городских жителей, неизбежным было влияние идеологии, согласно которой освоение русского возможно лишь за счет отказа от своего этнического языка: «До школы на русском разговаривал с родителями. Понимаете, я жил в городе, для меня важнее было, чтобы я чище говорил на русском. Родители работали в городе, в городе жили, там же пошел в первый класс. Учился там в школе, обучение на русском было. В школе все на русском разговаривали» (№ 27, М., 37). Подобное явление, сопряженное с интенсивной урбанизацией населения, широко распространено в мире [Joseph 2004: 185].

Языком обучения в начальной школе для респондентов-горожан выступал русский язык. Для сельских жителей, в зависимости от типа школы, языком обучения являлся горномарийский (4 чел.) или горномарийский и русский языки (5 чел.), один респондент переехал на обучение в г. Йошкар-Олу. С переходом в среднюю школу языком обучения становится русский язык, горномарийский остается в качестве предмета изучения. «Начальная школа в своей деревне. Это средняя школа. Там я до десятого класса училась. Мы же национальная школа обучения. Только в начальной школе все предметы учили на марийском, а потом все предметы на русском уже. Кроме “Родного языка” и “Родной литературы”» (№ 64, Ж., 58). Переход полностью на русский язык обучения, однако, не препятствовал тому, чтобы горномарийский оставался частью языковой жизни школьников: его использовали учителя при объяснении новой темы, если материал казался учащимся трудным; на нем общались ученики между собой как на переменах, так и на уроках. «Учебники, конечно, по-русски все. А бывало, что учителя объясняли и по-марийски тоже. Может, им самим было проще как-то объяснять на марийском. Конечно, раз они марийцы, то по-марийски. А в основном на русском обучение» (№ 44, М., 29). «На перемене на марийском, мне кажется, разговаривали. На родном языке больше общались. На русском — на уроках. Ну а если, получается, к другу своему обращаешься на уроке — типа... дай списать — зачем думать на русском? — сразу на марийском спрашиваешь!» (№ 58, М., 31). Отметим, что схожие данные были получены нами относительно использования лугового марийского в выборке [Куцаева 2022: 133].

В целом языковые биографии дошкольного и школьного периодов уроженцев сельской среды в выборке могут быть емко описаны с помощью следующей цитаты: «Знаете, мы все тогда разговаривали на

своем родном горном языке. Только в школе, только на уроках говорили на русском. А в обычной жизни — и с друзьями, и с родителями — мы говорили только на своем родном языке. И на перемене тоже на своем» (№ 21, Ж., 52). Каналами освоения опрошенными русского языка являлись система школьного образования; общение с городскими детьми, приезжавшими на летние каникулы в деревню; проживание респондента в непосредственной близости от города или районного центра; так называемое потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); посещение пионерских лагерей с многонациональным составом воспитанников. «Всегда с родителями, бабушкой, с детьми — всегда на марийском. У нас город... райцентр — там жили чисто русские. Поэтому мы знали русский. 40 километров от города. К родственникам мы ездили, они разговаривали на русском, ну и на марийском. Ну а русскую речь — приобщались прямо с первого класса, песни разучивали на русском, еще что-то. Радио слушали на русском, телевизор смотрели на русском. Ну а с окружением — чисто на марийском общались» (№ 56, М., 52). Интересным представляется такой источник изучения и совершенствования русского языка, как посещение воскресной школы (в постсоветский период), ввиду распространения среди горномарийцев православия в большей мере, чем среди луговых, религиозные верования которых тяготеют к языческим и языческо-православным синкретическим культам [Материалы 2020]. «Я ходила в воскресную школу, батюшка русскоязычный был, ну и дети, поэтому нас там учили русскому» (№ 89, Ж., 30) (ср. с источниками приобщения к русскому, установленными нами в отношении луговых марийцев в выборке [Куцаева 2022: 144—145]).

Несмотря на широкое распространение русского языка в городской среде, горномарийцы-горожане в выборке указали на владение этническим языком. Основным каналом приобщения к горномарийскому выступала марийская деревня, летнее пребывание в которой, как казалось родителям респондентов, позволит ребенку в полной мере овладеть языком. «До школы я еще постигал эти азы горномарийского языка в деревне» (№ 27, М., 37). Как правило, азы этнического языка включают в себя счет, отдельные лексические единицы, тяготеющие к описанию деревенского уклада жизни, иногда — обценная лексика, императивные конструкции. Как было отмечено в [Куцаева 2021a: 12], проблема с погружением городского ребенка в языковую среду заключается в том, что даже при условии его общения с бабушкой и дедушкой в узком семейном кругу на этническом языке (хотя на практике нередко использование дуально-лингвальной коммуникативной модели [Smith-Christmas 2016: 59]) в более широком контексте марийской деревни непосредственное окружение (соседи, друзья, родственники) не всегда способно создать и поддерживать эту среду, полагая, что городской ребенок едва ли владеет этническим языком и, таким образом, используя во взаимодействии с маленьким горожанином преимущественно русский язык. А кроме того, интерес к марийскому у ребенка и практику самого языка необходимо поддерживать в долгосрочной перспективе, по возвращении в город, однако в большинстве случаев со стороны родителей типичной является *стратегия избегания* [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 68—69]: несмотря на декларативное желание передать язык детям, де-факто эти полномочия перекладываются на кого-то — достаточно абстрактного — *другого*. Приведем развернутую цитату респондента. «С бабушкой и дедушкой на марийском. Летом в основном был в деревне несколько недель постоянно. Без родителей часто. У нас там больше все равно знали русский, и общались они, если надо, с тобой и на русском пообщаются. Если нет — то и на марийском. Какие-то слова я, может, знал тогда. Сначала пару слов, например, знаю. Потом бабушка объясняет, что это слово значит, то слово значит. И постепенно вот так учишь в среде, так сказать. Ну а ребята в основном на русском во дворе. Просто там тоже приезжали дети. Они кто откуда — и городские, и марийцы, то, естественно, все на русском между собой разговаривают. А если взрослые разговаривают, то иногда с ними можно и на марийском. Взрослые эти были постарше моих родителей. Они что-то говорят — и понимаешь уже. Вникаешь. Можешь и сказать уже в ответ. Они удивляются: “О, ты знаешь! Молодец, давай дальше учи!” Родители со мной на русском, мы же жили в городе. Зачем они со мной на марийском будут общаться? Они знали, что я не знаю марийский в том объеме, чтобы со мной общаться. Они всегда со мной на русском разговаривали» (№ 31, М., 36).

Марийская деревня, являющаяся, по мнению респондентов, устойчивым фактором сохранения и трансмиссии этнического языка, местом его полноправного функционирования, *легитимного и аутентичного использования*, имеет, таким образом, слабые стороны, ввиду распространения указанных выше идеологий, что в конечном итоге служит препятствием для включения в языковое сообщество *новых носителей* марийского [Куцаева 2021b: 30—31].

Другим возможным каналом изучения горномарийского языка для уроженцев городской среды в выборке (их возраст колеблется от 25 до 37 лет) могло быть преподавание его в качестве государственного языка в школе, тем более что наделение марийского (горного и лугового) статусом государственного

в Республике Марий Эл [Конституция РМЭ; Закон] позволило внедрить его в учебный процесс во всех русскоязычных школах как предмет национально-регионального компонента. До 2000 г. предмет «Марийский (государственный) язык» был обязательным во всех школах РМЭ. С 2001 г. в Базисный учебный план общеобразовательных школ РМЭ, предусматривающий изучение марийского родного и государственного, были внесены изменения: в результате предметы регионального компонента вошли в инвариантную часть плана и на их изучение выделялись часы в зависимости от типов и видов школ и классов³ [Васенина 2019: 242]. Приведем воспоминания респондентов об изучении данного предмета. «Я училась в лицее в Козьмодемьянске. На русском языке. У нас были уроки марийского языка, но мой уровень не достигал такого уровня, как сейчас. Это был горномарийский язык с первого класса. Но не все, скажу вам, любят изучать в школе языки марийские, горномарийский. Почему-то в Марий Эл некоторые городские, как они себя считают, стесняются очень сильно языка. Это я про горных говорю, которые проживают длительный период в Козьмодемьянске, они не считают себя некоторые марийцами. Параллельно марийскому была “История культуры марийского народа”. ИКМН. На русском. И определенное количество времени выделялось на марийский язык. Мы изучали историю, изучали марийский язык. Мы изучали с нуля, там легкие были задания. Язык преподается до девятого класса. ИКМН тоже не было потом. Но вот если сравнивать с деревенскими школами, то там это все преподается гораздо углубленно, у них там дополнительно есть “Марийская литература”, “Марийский язык”. Конкретно для изучения языка» (№ 43, Ж., 25). «Мы когда учились в школе, тоже был национальный как бы компонент. Но это “История и культура родного края” скорее. Там не учили марийский. То есть могли, наверное, преподавать марийский. Но у нас в школе не было преподавания. Раз в неделю было. На русском. Ну марийский мало кто знал там — поэтому на русском. Мне интересно было в основном. Насколько я помню, это горный, какие-то горномарийские предания и сказки. Ну и читали, естественно, литературу, которая посвящена всей Республике. Разные моменты в истории. И не только Горномарийского района, но и всей Республики» (№ 31, М., 36).

Реализация принципа вариативности позволила расширить контингент изучающих марийский язык (что проявилось прежде всего в русской школе) [Швецова 2008: 115], однако вполне очевидно, что отведенных часов едва ли хватало для овладения языком⁴: «Только писать я особо не умею на марийском — это да. Кстати, марийский язык — очень тяжелый язык. Разговаривать на нем легко, а писать на нем не очень. Эти две точки, окончания все эти, я бы сказала, что писать здесь не особо легко⁵. Вот для этого надо изучать — вот как мы русский язык изучаем — надо марийскую письменность изучать! Вот как в деревнях учат их! Потому что мы же не особо так учили его в школе. У нас было скорее ознакомительно» (№ 43, Ж., 25). Эта же респондентка подчеркнула следующее: «Скорее всего, мой фундамент был из семьи с языком».

³ В частности, в школах с русским (родным) языком обучения, а также в классах с углубленным изучением предметов социально-гуманитарного и гуманитарно-филологического профилей в 1—9-м классах выделялось 2 часа в неделю на изучение марийского (государственного) (+ 1 час на изучение курса «История и культура народов»); в классах с углубленным изучением предметов естественно-научного, физико-математического и технического профилей — 1 час в неделю (предмет «История и культура народов» интегрирован с марийским языком) [Васенина 2019: 242].

⁴ В качестве примера приведем результаты крупного социолингвистического обследования, выполненного Э. Алос-и-Фонтом в соседней Чувашской Республике, где с начала 1990-х гг. в качестве предмета изучения был повсеместно введен чувашский язык: «В 2011/2012 учебном году 70 % школьников с 1 по 9 класс изучали чувашский язык как неродной, в частности большинство учащихся чувашской национальности. Несмотря на его распространение, такая форма обучения является малорезультативной по отношению к преподаванию чувашского языка. По данным нашего опроса, 94 % городских старшеклассников, не говорящих на нем с родственниками, не чувствуют себя в состоянии говорить на нем» [Алос-и-Фонт 2015: 214], одна из причин видится автору в отсутствии модели чувашезычного образования в городах, а также ясной концепции об основаниях и целях преподавания чувашского языка и на чувашском языке [там же: 218].

⁵ Отдельные положения горномарийской орфографии изменялись, уточнялись и дорабатывались в 1956, 1978, 1994 гг. Так, в 1956 г. в горномарийскую орфографию в целях ее сближения с луговой были внесены изменения, многие из которых были отменены в 1978 г. В 1994 г. было возвращено отражение палатальной гармонии в полной мере [Галкин, Сибатрова 2013: 103—104]. Надо добавить, что уроженцы сельской среды в выборке, прошедшие обучение на горномарийском языке, будучи носителями языка, ни разу в интервью не упомянули такого рода затруднения. Очевидно, сложности в усвоении в том числе орфографических норм возникали у тех, кто не имел ежедневного контакта с языком (уроженцы городской среды в выборке, изучавшие горномарийский в качестве государственного) (см. также комментарий выше).

В таблице 1 приводится набор языков, которым владеют⁶ респонденты (данные о владении ими иностранными языками намеренно опущены, поскольку изучение этого вопроса не входило в задачи исследования).

Таблица 1. Набор языков респондентов в выборке

Набор языков	Число респондентов в группе, указавших на владение соответствующими языками
марийский горный, русский	9
марийский горный, марийский луговой, русский	4

Отметим, во-первых, особенность, характерную для данной группы в общей выборке: в отличие от уроженцев районов распространения лугового марийского в Республике Марий Эл в выборке, в наборе языков горномарийцев отсутствует татарский, представленный у луговых (ввиду тесного их проживания с татарами в отдельных случаях; об этом см. [Куцаева 2020a]). Во-вторых, в наборе языков горномарийских респондентов указаны случаи владения марийским луговым, тогда как ни один луговой мариец в выборке не отметил знание или владение марийским горным [Куцаева 2022: 123].

Кроме того, среди опрошенных, в лингвистическом багаже которых имеется луговой марийский, в выборке — исключительно женщины⁷. Одна из них поступила в первый класс национальной гимназии искусств (г. Йошкар-Ола), в учебном плане гимназии предполагалось изучение марийского (лугового) языка и марийской литературы. «В классе практически все были из луговых районов — моркинские, сернурские. И они все свободно говорили на луговом марийском языке. У меня вообще было дикое удивление, что, оказывается, существует еще какой-то марийский язык, которого я не понимаю! Я чувствовала себя, честно говоря, обманутой дико. Мне родители не рассказывали об этом! Что есть какой-то странный язык, который все называют *марийским*. Но я спорила, я им говорила, что марийский — это не этот, что это мой марийский! На меня там все смотрели как на белую ворону. Но мне очень повезло с учительницей, которая была у нас первые три года. Она очень любила горномарийский язык и горных марийцев, у нее были подружки из института МарГУ. Она была моим ангелом-хранителем, и я очень быстро выучила луговой язык, она меня даже в пример ставила» (№ 36, Ж., 28). Вторая респондентка по окончании школы продолжила обучение в педагогическом вузе в Йошкар-Оле в русской группе: в тот год, подчеркнула респондентка, не производился набор в марийскую (луговую марийскую. — М. К.⁸) группу. Ее подругой стала луговая марийка, и, таким образом, она освоила луговой марийский: «Мы давно с подругой общаемся, понимаю. Но вот литературный язык, стихи, произведения какие-то не понимаю. А так — разговорный — понимаю. Может быть, некоторые слова не поймем, тогда уже порусски переведем. А так общаемся на марийском языке. Может быть, и не всех лугомарийцев я понимаю, у них же, что район, что деревня — какие-то разные слова, разные диалекты бывают. Из-за этого я не всех могу понять, но вот свою подругу пойму!» (№ 21, Ж., 52). Третья респондентка младшей когорты в выборке училась в Институте финно-угроведения при МарГУ по специальности «преподаватель марийского и английского языков» и так вспоминает о своем опыте изучения лугового марийского (в учебном плане под «марийским» подразумевался марийский луговой. — М. К.): «Луговой там — это было что-то с чем-то! Крики, слезы, истерики. До Нового года я, наверное, только плакала. Лекции — вообще ничего не понимала! А потом уже как-то пошло, автоматом что ли. Нас было 25 человек в груп-

⁶ Фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением заключается в том, что «знание, например, языка — может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами» [Беликов, Крысин 2016: 51].

⁷ Лишь один мужчина в выборке, уроженец Козьмодемьянска, во время обучения в вузе в Йошкар-Оле, имел опыт посещения факультативных занятий по изучению марийского языка. Впрочем, в скором времени он отказался от этой идеи, мотивируя это следующим образом: «Я был два раза там, но потом перестал посещать. Просто там лугомарийский был язык в основном, я чего-то посидел пару занятий и отпал интерес к лугомарийскому! Ну как — я же больше горномариец, поэтому интерес мой больше к горномарийским историям, языку в целом! И было такое — как будто заново слова нужно учить. Интерес как-то сразу пропал» (№ 31, М., 36).

⁸ В 1995 г. в МарГУ впервые была открыта русско-горномарийская группа, соответствующая требованиям подготовки специалистов-филологов для горномарийских школ, набор составил десять человек. Русско-горномарийская группа всегда являлась особой в плане обучения, поскольку с первого курса студенты были задействованы в работе по составлению научных словарей, принимали участие в работе лексикографической научно-исследовательской лаборатории «Кырык мары йылмй» [Пенькова 2017: 34—39].

пе, я одна — горномарийка. Я ко всем приставала с переводом на русский язык! Сначала на русском, перевод каждого слова, которое я не понимала, все это запоминала. Все меня посылали к чертовой матери уже через два месяца. Но я все равно не сдавалась! В конце первого курса уже свободно говорила на луговом, он же легкий, потому что я горный знаю! А луговой — чего там! Но при этом это совершенно разные языки, конечно! Потом все меня принимали там за своего! За моркинского причем!⁹ У меня близкая подруга в группе была моркинская. У нас половину с Морков просто были. Тут без вариантов, понимаете!» (№ 89, Ж., 30). Четвертая респондентка, представительница старшей когорты в выборке, во время учебы в техникуме Йошкар-Олы (языком обучения был русский) каждое лето отправлялась на трудовую практику в один из колхозов Сернурского района: «Когда в Йошкар-Оле, то хочешь — не хочешь, общая масса — луговые, как-то само быстрее схватываешь. В Сернурском районе когда были, у нас руководитель был русский мужчина, он по-марийски вообще не умел говорить, я переводила. Марийка-бабушка не умела по-русски говорить, а мы были студенты, остановились там, а она не понимает — я и перевожу!» (№ 26, Ж., 60). Эта же респондентка впоследствии использовала луговой марийский в качестве тайного языка при общении с луговыми марийцами: «Просто на Камчатке были все русские, так и получилось, что по-марийски можно было только между собой с мужем. А там еще были луговые марийцы, с Сернурского района, кстати. Когда встречались с ними, поболтаем. Они на луговом, я на горном. Муж не понимает. “Вот так, — говорю, — Юра, учи, пригодится!”». Попутно отметим, что, по признанию респондентов в общей выборке, навыки взаимного понимания в условиях диаспорного проживания иногда действительно представляются необходимыми и, несмотря на расхожее мнение относительно низкой взаимопонимаемости между обоими идиомами, в экстремальных обстоятельствах их используют в конспираторной функции в том числе в московском регионе [Куцаева 2021б: 63—64].

3. Динамика изучения марийского горного языка в сфере образования (по данным архивных материалов)

Функциональная и демографическая мощности государственных языков Республики Марий Эл не одинаковы, что объясняется тем, что русский язык — язык с глобальными социальными функциями, а марийский язык ограничен использованием в этнических границах; и русский, и марийский языки обслуживают сферу образования, от которой зависят языковая компетенция всего общества в целом и перспективы на будущее [Кондрашкина 2016: 749]. Рассмотрим ситуацию с горномарийским языком в сфере образования (ситуация с луговым марийским была описана нами ранее; в той же работе был представлен очерк этапов языковой политики в области школьного образования [Куцаева 2022: 126—129]).

Согласно архивным данным, полученным нами из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» относительно распределения школ и учащихся по языку обучения на начало 1960—1961 учебного года в Марийской АССР (таблица 2), с марийским горным языком обучения функционировали 37 начальных, 14 семилетних и восьмилетних и 5 средних школ, всего в них обучалось соответственно 3569 чел. (1—4-й классы), 1850 чел. (5—7-й классы), 279 чел. (8—10-й классы)¹⁰. Суммарно обучением на горномарийском было охвачено 5698 учащихся [ГАРМЭа]. Кроме того, с двумя языками обучения (марийским горным и русским) функционировали две начальные школы, одна семилетняя и две средних школы, марийский горный язык изучался лишь на уровне начальной школы (377 чел.), тогда как в аналогичных школах с двумя языками обучения (марийским луговым и русским) обучение на марийском луговом продолжалось и на последующих ступенях школьного образования (до 10-го класса включительно) и в итоге охватывало в 1960—1961 учебном году 7937 учащихся [ГАРМЭб]. В таблице 2 представлены также данные по Марийской АССР о количестве школ с русским языком обучения [ГАРМЭа]. В тот период в Горномарийском районе обучение исключительно на русском языке велось в 18 начальных школах (ср. 37 на горномарийском), восьми семилетних (ср. 13¹¹ на горномарийском), пяти средних

⁹ Об особом статусе, занимаемом де-факто отдельными говорами (например, моркинско-сернурским, легшим в основу литературной нормы марийского лугового языка), а также о четком ранжировании носителей марийского как группы на тех, кто может считаться самым / более / менее / наименее традиционным носителем, мы указывали в [Куцаева 2021в: 21—22].

¹⁰ Выбор периода начиная с 1960 г. для статистического обзора обусловлен возрастом самого старшего респондента в выборке. Кроме того, данный период интересен с точки зрения динамики распределения школ по языку обучения ввиду того, что он сопряжен с реализацией закона «Об укреплении связи школы с жизнью» [Беликов, Крысин 2016: 301—302].

¹¹ Строго говоря, два документа — [ГАРМЭа] и [ГАРМЭв] — содержат несколько противоречивые сведения относительно количества школ на горномарийском за один и тот же период. Так, в документе [ГАРМЭа] (сведения

(как и на горномарийском) [ГАРМЭв]. Обучение на горномарийском языке велось, таким образом, в 64,9 % начальных школ района, в 56,5 % — семилетних, в 16,6 % — средних [там же].

В итоговой графе документа о распределении школ по районам Марийской АССР относительно количества школ с одним языком обучения на республиканском уровне приводятся данные с пометой «на луговом» (все они — за вычетом количества школ с марийским горным языком обучения. — М. К.) [ГАРМЭв], равно как и в отношении количества учащихся школ (внесены итоговые общие показатели и строкой ниже данные с пометой «в т. ч. на лугов. яз.») [ГАРМЭг].

Таблица 2. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1960—1961 учебного года

Язык обучения	Начальных школ с языком	Семилетних и восьмилетних с языком	Средних школ с языком	В них учащихся 1—4-х кл.	В них учащихся 5—7-х кл.	В них учащихся 8—10-х кл.	Всего в 1—11-м классах учащихся
М. г. я.	37	14	5	3569	1850	279	5698
М. л. я.	168	66	10	14 953	6699	528	22 180
Р. я.	235	106	40	34 011	19 499	763	57 948
С двумя языками обучения:							
М. г. я.	2	1	2	377	—	—	377
Р. я.				253	551	112	916
С двумя языками обучения:							
М. л. я.				3710	3832	395	7937
Р. я.	7	28	30	4815	5192	1260	11 267

Статистика на начало 1976—1977 учебного года (таблица 3, составлена на основе данных [ГАРМЭд; ГАРМЭе; ГАРМЭж]) свидетельствует о том, что марийский горный использовался в качестве языка обучения лишь в 1—3-м и подготовительных классах начальной школы, тогда как обучение на марийском луговом велось в начальной школе и продолжалось в 4—8-м классах. Кроме того, марийский луговой в минимальном объеме преподавался в условиях города с первого по восьмой класс (в отличие от горномарийского). В итоге обучением на горномарийском было охвачено 2122 учащихся (уровень начальной сельской школы), а обучением на луговом марийском — 9171 чел., из них на селе — 8739 чел., в городе — 432 чел.

Таблица 3. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1976—1977 учебного года

Язык обучения	Учащихся в 1—3-м и подготовительных классах	Учащихся в 4—8-м классах	Учащихся в 9—10-м классах	Итого
М. г. я. (село)	2122	—	—	2122
М. л. я. (село)	8446	293	—	8739
Р. я. (село)	7958	38 287	9454	55 699
Р. я. (город)	13 956	28 734	8307	50 997
М. л. я. (город)	173	259	—	432
М. г. я. (город)	—	—	—	—
М. л. я. (всего)	8619	552	—	9171
Р. я. (всего)	21 914	67 021	17 761	106 696

о распределении школ и учащихся по языку обучения) указано «14», тогда как в документе [ГАРМЭв] (по районам) — «13». Кроме того, в последнем документе приводится общее количество типов школ по району, и в *горномарийской* строке рядом с итоговой для района цифрой «23» (из расчета, что школ на горномарийском языке 13) невооруженным глазом заметна жирная точка, выведенная как будто в недоумении; при том что в целом документы, которые заполнялись от руки, не содержат никаких чернильных помарок и видимых исправлений. В связи с этим в настоящей работе в обзоре обоих документов приводим содержащиеся соответственно в каждом из них данные.

На начало 1980—1981 учебного года (таблица 4 по данным [ГАРМЭз; ГАРМЭи; ГАРМЭк]) ситуация меняется: обучение на марийском (как горном, так и луговом) ограничивается уровнем 1—3-го и подготовительных классов начальной школы (всего на марийском горном обучение проходят 1672 чел., на марийском луговом — 6523 чел., из них в сельской местности — 6378 чел., 145 чел. изучают марийский в условиях города). Всего школ с нерусским языком обучения насчитывалось 83 ед. [ГАРМЭк].

Таблица 4. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 1980—1981 учебного года

Язык обучения	Учащихся в 1—3-м и подготовительных классах	Учащихся в 4—8-м классах	Учащихся в 9—10-м классах	Итого
М. г. я. (всего)	1672	—	—	1672
М. л. я. (всего)	6523	—	—	6523
Р. я. (всего)	24 214	52 522	12 736	89 472
М. г. я. (село)	1672	—	—	1672
М. л. я. (село)	6378	—	—	6378
Р. я. (село)	7670	27 252	6671	41 593
Р. я. (город)	16 544	25 270	6065	47 879
М. л. я. (город)	145	—	—	145

К сожалению, в полученных сведениях отсутствует детализированная информация относительно школ с двумя языками обучения (конкретно с марийским горным или марийским луговым), известно лишь, что школ с русским и нерусским языками обучения в Марийской АССР в 1976—1977 учебном году было 127 ед. [ГАРМЭд], в 1980—1981 учебном году — 129 ед. [ГАРМЭз], в них обучалось соответственно 47 865 чел. [ГАРМЭд] и 29 314 чел. [ГАРМЭз]. Несмотря на то, что количество школ с двумя языками незначительно возросло, число учащихся на двух языках обучения заметно снизилось всего за несколько лет.

В целом в ведении отчетности наблюдается тенденция к максимальной краткости изложения: если в документации за 1960—1961 учебный год довольно полно представлены сведения не только по количеству и типу школ по языку обучения, но и по их распределению по районам в Марийской АССР, то в последующие два десятилетия официальные отчеты, с которыми нам удалось ознакомиться, приобретают характер *общей отчетности*, в силу, надо полагать, смещения акцентов и приоритетов языковой политики. В 1970-х гг. в СССР был взят курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия в целях осуществления идеологической унификации в рамках провозглашенной новой исторической общности — советских людей [Беликов, Крысин 2016: 305]. С особым успехом языковая политика реализовывалась в области образования: школа, неоднократно подчеркивалось в литературе тех лет, является одним из самых эффективно действующих факторов по силе своего воздействия на распространение двуязычия среди нерусских народов страны [Губогло 1980: 106].

В таблице 5 (по данным [ГАРМЭл]) размещены сведения по школам в зависимости от языка обучения и данные по изучению марийских языков как предмета в 1991—1992 учебном году. В тот период в Республике из общего числа школ насчитывалось 226 школ с русским языком обучения (все этапы школьного обучения, всего 91 149 учащихся), 74 школы с нерусским языком обучения (начальное звено школы, охват учащихся — 1473 чел.), 123 школы с русским и нерусским языками обучения (все этапы школьного обучения, общее количество учащихся составило 23 054 чел.), 240 школ, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет (все этапы обучения, 23 105 учащихся), и 17 школ, в которых нерусские языки изучаются факультативно в кружках (число изучающих языки — 544 чел.). Горный и луговой марийский, сохраняя позиции в качестве языка обучения на селе (на марийском горном обучаются младшие школьники — 1344 чел.), также становятся предметом изучения на всех этапах школы, количество учащихся достигает соответственно 3115 и 18 944 чел.

Статистика (таблица 5) представляет несомненный исследовательский интерес, поскольку частично фиксирует ключевые подвижки и изменения в языковой политике в сфере образования 1990-х гг.: принятие закона «О языках народов РСФСР» (1991), языковой суверенитет и движение за возрождение и развитие родных языков, разработка проекта «Закона Республики Марий Эл о языках в Республике Марий Эл» в целях придания марийскому языку статус государственного и ожесточенная борьба, развернувшаяся на фоне принятия закона и вскрывшая основное противоречие относительно номенклатуры

марийских идиомов и количества марийских языков (об этом см. [Васикова 1996]). В 1995 г. закон «О языках в Республике Марий Эл» был наконец принят с формулировкой «марийский (горный и луговой)» [Закон].

Таблица 5. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения в 1991—1992 учебном году

Наименование	Общее число школ по языку обучения	Распределение учащихся по языку обучения				Изучение (нерусского) языка как предмет			
		1—4-й классы	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого	1—4-й классы	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого
М. г. я.	44	1344	—	—	1344	693	1975	447	3115
М. л. я.	142	7543	—	—	7543	6197	10 427	2320	18 944
Р. я.	349	22 445 / 14 874	57 959	11067	106 345	×	×	×	×

Кроме того, в 1992 г. в Республике Марий Эл был утвержден закон «Об образовании», впоследствии подвергшийся поправкам и корректировкам на предмет его соответствия федеральным стандартам, затем вовсе упраздненный. В 2001 г. был принят новый закон «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл», подтверждающий «право на получение образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования». Закон гарантировал, что «обучение и воспитание в образовательных учреждениях Республики Марий Эл осуществляется на государственных языках в зависимости от желания обучающихся, их родителей (лиц, их заменяющих)» [Васенина 2019: 241].

Статистические данные в таблице 6 (по [ГАРМЭм; ГАРМЭн]) позволяют составить представление о ситуации с преподаванием горномарийского и лугового в системе образования (язык обучения или предмет изучения) за 2001—2002 учебный год. Марийский горный на селе остается языком обучения в начальной школе (1—4-й классы, всего 1122 учащихся) и также является предметом изучения (1—4-й классы, всего 509 учащихся). Далее он преподается в средних и старших классах школы в качестве предмета изучения. В городе марийский горный изучается в качестве предмета с первого по девятый класс (охват учащихся — 1346 чел.) (ср. с данными по марийскому луговому в условиях городской среды).

Таблица 6. Сведения о распределении школ и учащихся по языку обучения на начало 2001—2002 учебного года

Наименование	Общее число школ по языку обучения	Распределение учащихся по языку обучения				Число учреждений, в которых родной (нерусский) язык изучается как предмет	Изучение языка как предмет			
		1—4-й кл.	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого		(нерусского) 1—4-й кл.	5—9-й классы	10—11-й классы	Итого
М. г. я (село)	33	1122	—	—	1122	30	509	2175	301	2985
М. л. я. (село)	118	5107	—	—	5107	197	5242	17 560	2221	25 023
Р. я. (село)	255	725 / 6025	23 148	4831	34 729	×	×	×	×	×
М. г. я. (город)	—	—	—	—	—	6	428	918	—	1346
М. л. я. (город)	3	87	—	—	87	66	7149	14 967	462	22 578
Р. я. (город)	91	6763 / 9122	38 246	11636	65 767	×	×	×	×	×

Ниже, в таблице динамики контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл, [Динамика], указан «марийский язык», без помет «марийский горный» или «марийский луговой». Несмотря на это, сопоставительный анализ данных за 2000 и 2010 гг. (выдержки из документа приводятся в таблице 7) позволяет сделать несколько существенных, хотя и достаточно общих выводов.

Таблица 7. Динамика контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл [Динамика]

Предметы	2000/2001	2010/2011
Количество школ	432	286
В них учащихся	120 441	66 096
Изучают марийский язык (родной):		
— школ;	207 (48 %)	131 (46 %)
— обучающихся в них	46 559 (39 %)	9912 (15 %)
Изучают марийский государственный язык:		
— школ;	207 (48 %)	134 (47 %)
— обучающихся в них;	46 559 (39 %)	25 747 (39 %)
интегрировано:		
— школ;	—	—
— обучающихся в них	—	—
Изучают ИКН:		
— школ	420 (97 %)	278 (97%)
— обучающихся в них;	99 598 (83 %)	44 440 (67%)
интегрировано:		
— школ	—	—
— обучающихся в них;	—	—
Школ с родным языком обучения	64 (15 %)	14 (0,5 %)
В них обучающихся	1210 (1 %)	132 (0,2 %)
Школ с русским языком обучения	232 (54 %)	178 (62 %)
В них обучающихся	90 674 (75 %)	37 012 (56 %)
Школ с русским (неродным) языком обучения	123 (29 %)	94 (33 %)
В них обучающихся	24 347 (20 %)	28 952 (43,8 %)

Во-первых, за десятилетие значительно снизилось количество школ с родным языком обучения: с 15 % (от общего числа школ) в 2000—2001 учебном году до 0,5 % в 2010—2011-м. Ввиду низкого уровня рождаемости общее число учащихся школ снизилось со 120 441 чел. до 66 096 чел., при этом количество учащихся школ с родным языком изменилось следующим образом: 1210 чел. (1 % от всех учащихся) в 2000—2001 учебном году и 132 чел. (0,2 %) в 2010—2011 учебном году. Во-вторых, процент учащихся, изучающий марийский язык (родной) как предмет, также снизился: если в 2000—2001-м он достигал 39 % от общего числа учащихся школ, то в 2010—2011-м — всего 15 %. В-третьих, в 2010—2011-м позиции марийского в качестве предмета «Марийский язык (государственный)» остались неизменными (относительно 2000—2001 учебного года): 39 % обучающихся школ изучают данный предмет.

Тенденции последних десятилетий к обобщению статистических данных относительно обучения на *марийском языке* и преподавания *марийского языка* (без различения марийского горного и марийского лугового) являются косвенным указанием, во-первых, на изменение в приоритетных направлениях языковой политики, смещенных в сторону русского языка, и постепенном ослаблении позиций родных языков в образовании, достигнутых в предшествующий период; во-вторых, свидетельством довольно плачевного состояния марийского горного в системе преподавания и изучения и без того ослабленного *марийского языка*.

В ходе полевой работы в Горномарийском районе РМЭ в 2019 г. автору материалов удалось пообщаться с учителями горномарийского языка, которые выразили беспокойство относительно бедственной ситуации с обеспечением методической литературой на горномарийском, настойчивой необходимостью ее реактуализации. «С методической литературой у луговых нет проблем. Они уже выпустили и методички. У них же столько районов, а у нас один район! У них тринадцать районов, у них больше людей, у них больше авторов. Язык у нас отдельный, горномарийский. У нас авторская группа, рабочие тетради

составляем. После учебников. Пятый, шестой класс. Литературу изучаем общую марийскую, но переводятся произведения, которые по программе, на горный марийский. У нас переводчиков мало. И кто-то должен составлять по литературе учебники! То есть у нас сложновато. У нас за девятый класс учебник 1995 года, наверное» [ПМА 2019]¹². Общей проблемой педагогов горномарийского и лугового марийского является невладение или слабое владение школьниками своим этническим языком — корни проблемы уходят в дошкольное образование (языком воспитания часто является русский язык) и семейную языковую политику (нежелание родителей передавать этнический язык детям) (об этом см. [Куцаева 2022: 124—126]). «Но сейчас появились дети, у нас конкретно, тоже уже нынче в первом классе на марийском вообще не разговаривают. Потому что в садике у них воспитатель была русская, можно сказать. Она разговаривала только на русском. Поэтому и дети. Но родители уже тоже не хотят: “Почему это вот этот марийский? Зачем он нужен? Там дальше... нигде он, не будем применять!” Вот поэтому. Такие проблемы постоянно решаем» [ПМА 2019]. Однако в ближайшей перспективе самой острой, кажется, станет проблема воспроизводства педагогических кадров. Несмотря на то, что ежегодный выпуск специалистов со знанием *марийского языка* (выделено нами. — М. К.), осуществляющийся в двух вузах республики в г. Йошкар-Оле, составляет 356 человек, которые пополняют состав национальной интеллигенции [Швецова 2008: 132], вопрос числа учителей конкретно марийского горного остается открытым. «Учителей горномарийского языка готовили в МарГУ, раньше было их много, к 2010 году студентов в группе стало мало: около пяти всего, а в 2013 году вроде бы вовсе закрыли группу¹³. Так что больше нигде не готовят учителей горномарийского языка. Дело в том, что сейчас в горномарийских школах горномарийский язык преподают именно те учителя, которые учились еще тогда, когда была такая группа в МарГУ. Современных молодых учителей-то нету! Учителей именно горномарийского языка — их в принципе нет. И студентов тоже. Ну почему и группу-то закрыли? Потому что туда никто не шел¹⁴. Это совершенно непрестижно! Вот. И поэтому молодежи-то нет! Все эти старые учителя и работают, и преподают горномарийский. И я даже не знаю, что будет, например, через лет двадцать или даже через тридцать. Может, вообще некому будет горномарийский преподавать. Даже права не будет ни у кого, потому что никто не учит. Если вымрут нынешние учителя, преподавать действительно горномарийский будет некому» (№ 89, Ж., 30).

Анализ архивных данных и свидетельств респондентов в выборке позволяет сделать вывод о том, что начиная с 1960-х гг. в образовательной системе марийский горный язык постепенно сдает свои позиции, сначала на фоне марийского лугового, а с середины 2000-х гг. его объединяют с марийским луговым в отчетах под общей рубрикой «марийский язык». Тем не менее даже это «коалиционное» объединение представляется слабым в сравнении с позицией, которую занимает в системе образования русский язык.

4. Заключение

Основная цель статьи заключалась в реконструкции языковых биографий представителей марийской диаспоры московского региона, уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл. Необходимость проведения исследования обусловлена тем, что актуальное использование опрошенными этнического языка со всей очевидностью определяется в том числе их предшествующим языковым опытом на малой родине. В ходе обработки результатов были установлены основные пути освоения респондентами марийского горного и русского путем анализа языков внутрисемейного общения, дошкольного воспитания, языков обучения и предметов изучения в начальной и средней школе, в процессе дальнейшего обучения; языков общения с соседями на малой родине.

Работа является второй в цикле статей, посвященных описанию лингвистических биографий респондентов в общей выборке, что позволило на данном этапе провести сопоставительный анализ данных по языковым биографиям республиканских марийцев в выборке — выходцев из районов распространения марийского лугового языка и уроженцев Горномарийского района, в котором распространен марийский горный язык.

¹² Полевые материалы автора в Горномарийском районе РМЭ в 2019 г.

¹³ Всего было выпущено 12 групп, это были немногочисленные группы [Пенькова 2017: 46].

¹⁴ В 2012 г. трагически оборвалась жизнь Л. П. Васиковой, благодаря усилиям которой была и открыта русско-горномарийская группа. Духовным наставлением проф. Васиковой следует считать отрывок из ее письма: «Необходимо сохранить группу РГ (русско-горномарийскую) на филологическом факультете МарГУ, иначе разрушится система подготовки специалистов по филологии для горномарийских школ. Это чревато непоправимыми последствиями. Эту группу нельзя закрывать, необходимо сохранить ее любыми силами...» (цит. по [Пенькова 2017: 46]).

В итоге, с одной стороны, были выявлены общие моменты, такие как крепкая связь этнического языка с сельской средой ввиду моноэтничности сельского населения и преимущественное употребление русского языка в городской среде в связи с многонациональным составом городского населения, прева-лированием некоторых идеологий и стереотипов в отношении этнического языка; а также ключевые этапы функционирования марийских языков в системе образования начиная с 1960-х гг. Основными ка-налами для освоения сельскими жителями (как луговыми, так и горными) русского языка, по результа-там в выборке, являлись: система школьного образования; общение с городскими детьми летом; прожи-вание в непосредственной близости от города или районного центра; потребление культуры на русском языке (чтение произведений художественной литературы, кинематограф, влияние радио и телевидения); посещение пионерских лагерей с многонациональным составом воспитанников. Основным источником марийского языка для городских жителей являлась марийская деревня и общение со старшими членами семьи.

С другой стороны, в ходе сопоставительного анализа были отмечены некоторые особенности, харак-терные для лингвистических биографий респондентов-горномарийцев в выборке. Во-первых, для опро-шенных младших когорт дополнительным каналом изучения русского языка выступала воскресная шко-ла, ввиду широкого распространения православия в Горномарийском районе, в отличие от луговых рай-онов Республики Марий Эл, где доминирует православно-языческий синкретизм или — в отдельных районах и местах — бытуют языческие верования. Во-вторых, в наборе языков нескольких респонден-тов-горномарийцев был назван марийский луговой язык (ни один луговой мариец в выборке не заявил о владении марийским горным), что связано с получением ими образования (среднего, высшего) или ве-дением трудовой деятельности в Йошкар-Оле. Кроме того, респонденты-горномарийцы выразили обес-покоенность относительно положения марийского горного в некоторых сферах (главным образом в об-разовательной), несмотря на то, что его статус — наряду с марийским луговым — подтвержден законо-дательно.

Для обеспечения полноты и достоверности исследования нами были привлечены данные из архив-ных материалов фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» об изучении горномарий-ского языка в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл с 1960 по 2002 г. (охват когорт в выборке), а также сводный отчет о динамике изучения языков в РМЭ за 2000—2018 гг. Анализ предос-тавленных автору материалов позволил сделать несколько важных выводов. Во-первых, в ведении от-четности о распределении школ и учащихся по языку обучения наблюдается тенденция к обобщению данных: в 1960-х гг. довольно полно были представлены сведения не только по количеству и типу школ по языку обучения (марийскому горному, марийскому луговому, русскому), но и по их распределению по районам в Марийской АССР, тогда как в материалах 1970-х и 1980-х гг. сведения, с которыми нам удалось ознакомиться, представлены в более сжатой форме, касаются количества и типа школ (с марий-ским горным, марийским луговым и русским языками обучения) и количества учащихся по Марийской АССР (общий свод данных и отдельно — сведения по селу и по городу), что в некоторой степени отра-жало общий характер языковой политики, нацеленной на достижение всеобщего национально-русского двуязычия и идеологической унификации советских людей. Статистические данные за 1991—1992 гг., а также за 2001—2002 гг. отразили новый этап в языковой политике страны — суверенизацию респуб-лик и внедрение обязательного изучения марийского в качестве предмета обучения в русскоязычные школы в том числе. В сведениях последних десятилетий о преподавании и обучении на родных языках и изучении предметов, обеспечивающих этнокультурные потребности обучающихся, указывается исклю-чительно «марийский язык», без помет «марийский горный» или «марийский луговой». На наш взгляд, это является косвенным свидетельством изменения в приоритетных направлениях языковой политики, смещенных в сторону русского языка, постепенном ослаблении позиций родных языков в образовании, достигнутых в предшествующий период, и в целом — довольно плачевного состояния марийского гор-ного в системе преподавания и изучения и без того ослабленного *марийского языка*. По признанию рес-пондентов, уроженцев городской среды, изучение ими марийского в качестве государственного едва ли было эффективным.

Таким образом, языковые биографии респондентов, уроженцев Горномарийского района, являются не только отражением, но и закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществ-лявшейся в советский и постсоветский периоды на территории Марийской АССР, а затем Республики Марий Эл. В дальнейшем автором планируется рассмотрение языковых биографий уроженцев мест компактного расселения марийцев на территории Российской Федерации (Республики Башкортостан и Татарстан, Кировской и Свердловской областей) и проведение сопоставительного анализа лингвисти-ческих биографий республиканских и внереспубликанских респондентов в выборке.

Л и т е р а т у р а

Алос-и-Фонт 2015 — Э. *Алос-и-Фонт*. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015.

Беликов, Крысин 2016 — В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

Васенина 2019 — О. Н. Васенина. Вариативность методики в преподавании марийского языка в школах Республики Марий Эл // Национальная культура в социальном пространстве и времени: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.) / Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 240—245.

Васикова 1996 — Л. П. Васикова. Равенство подлинное и мнимое. О чем можно спорить и что принимать как должное [Всенародное обсуждение проекта закона о языках] // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1 / Автор-сост. С. М. Червонная; под ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 109—116.

ВНП 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 года // URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.

Галкин, Сибатрова 2013 — И. С. Галкин, С. С. Сибатрова. Марийский язык // Марийцы. Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола, 2013. С. 97—116.

ГАРМЭа — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 27.

ГАРМЭб — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 27 об.

ГАРМЭв — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 28.

ГАРМЭг — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 8. Д. 779. Л. 29.

ГАРМЭд — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 61.

ГАРМЭе — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 62.

ГАРМЭж — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 503. Л. 64.

ГАРМЭз — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 1.

ГАРМЭи — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 2.

ГАРМЭк — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 9. Д. 748. Л. 3.

ГАРМЭл — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 172. Л. 1 об.

ГАРМЭм — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 504. Л. 4.

ГАРМЭн — Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. Р-407. Оп. 10. Д. 504. Л. 6.

Грачева 2001 — Ф. Т. Грачева. Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия: В 3 т. Т. II. М.: Наука, 2001. С. 266—274.

Губогло 1980 — М. Н. Губогло. Двужычие и процессы культурной интеграции // Взаимоотношение развития национальных языков и культур. М., 1980. С. 101—119.

Динамика — Динамика контингента учащихся по предметам, обеспечивающим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл 2000—2018 гг. URL: edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/Allterms.aspx?RootFolder.

Закон — Закон Республики Марий Эл о языках — Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 2 / Автор-сост. С. М. Червонная; под ред. М. Н. Губогло. М., 1996. С. 184—195.

Кашкин 2018 — Е. В. Кашкин. Полевое изучение восточных говоров горномарийского языка: лингвистическая экспедиция МГУ // XVII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной региональной научно-практической конференции «Горные мари в поликультурном пространстве». Йошкар-Ола, 2018. С. 3—12.

Козлова 1978 — К. И. Козлова. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Кондрашкина 2016 — Е. А. Кондрашкина. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 746—752.

Конституция — Конституция Республики Марий [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/.

Куцаева 2020a — М. В. Куцаева. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий мари-йцев Московского региона // Урало-алтайские исследования. 2020, 4 (39). С. 7—23.

Куцаева 2020б — М. В. Куцаева. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Куцаева 2021a — М. В. Куцаева. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021, вып. 3 (33). С. 49—58.

Куцаева 2021б — М. В. Куцаева. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021, вып. 4 (34). С. 58—72.

Куцаева 2021в — *М. В. Куцаева*. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021, 2. С. 5—34.

Куцаева 2022 — *М. В. Куцаева*. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022, 1 (44). С. 116—153.

Материалы — Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения марийской традиционной религии» (25 июня 2020 г.) // Финно-угроведение. 2020, 61. С. 143—212.

Пенькова 2017 — *М. В. Пенькова*. Русско-горномарийская группа // Оставаясь со своим народом... (К 90-летию со дня рождения профессора Л. П. Васиновой) / Сост. Н. А. Федосеева, Г. А. Эрцикова. Йошкар-Ола, 2017. С. 34—47.

Сепеев 2006 — *Г. А. Сепеев*. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.

Швецова 2008 — *Г. Н. Швецова*. Образовательная политика в условиях модернизации региональной образовательной системы: Монография. Йошкар-Ола, 2008.

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — *N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer*. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Joseph 2004 — *J. E. Joseph*. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Palgrave Macmillan, 2004.

Smith-Christmas 2016 — *C. Smith-Christmas*. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.

References

Alos-i-Font 2015 — H. Alos-i-Font. Issledovanie jazykovoj situacii v Chuvashskoj Respublike: sbornik statej. Cheboksary, 2015. {H. Alos-i-Font. The Survey of Language Situation in the Chuvash Republic: a collection of papers. Cheboksary, 2015.}

Belikov, Krysin 2016 — V. I. Belikov, L. P. Krysin. Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Uright, 2016. {V. I. Belikov, L. P. Krysin. Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree. Moscow: Uright, 2016.}

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — N. M. Dauenhauer, R. Dauenhauer. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In: L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998. P. 57—98.

Dinamika — Dinamika kontingenta uchashhihsja po predmetam, obespechivajushhim jazykovye prava i jetnokul'turnye potrebnosti obuchajushhihsja v obshheobrazovatel'nyh organizacijah Respubliki Marij El 2000—2018 gg. {Dynamics of a number of students in subjects providing language rights and ethno—cultural needs of students in general education organizations of the Republic of Mari El in 2000—2018}. URL: edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/AllItems.aspx?RootFolder.

Galkin, Sibatrova 2013 — I. S. Galkin, S. S. Sibatrova. Marijskiy yazyk. In: Marijtsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Yoshkar-Ola, 2013. S. 97—116. {I. S. Galkin, S. S. Sibatrova. Mari language. In: Maris. Historical-ethnographic outlines. Yoshkar-Ola, 2013. P. 97—116.}

GARMEa — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 27.

GARMEb — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 27 ob.

GARMEv — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 28.

GARMEg — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 8. D. 779. L. 29.

GARMEd — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 61.

GARMEe — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 62.

GARMEzh — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 503. L. 64.

GARMEz — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 1.

GARMEi — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 2.

GARMEk — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 9. D. 748. L. 3.

GARMEI — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 172. L. 1 ob.

GARMEm — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 504. L. 4.

GARMEn — Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Marij El (GARME) {State Archive of the Republic of Mari El}. F. P-407. Op. 10. D. 504. L. 6.

Gracheva 2001 — F. T. Gracheva. Marijskij gornyj yazyk. In: Yazyki Rossijskoj Federatsii i sosednih gosudarstv. Entsiklopediya: V 3 t. T. II. Moskva: Nauka, 2001. S. 266—274. {F. T. Gracheva. Mari Hill language. In: Languages of the Russian Federation and neighbouring states. Encyclopedia: In 3 vol. Vol. II. Moscow: Nauka, 2001. P. 266—274.}

Guboglo 1980 — M. N. Guboglo. Dvuyazychie i protsessy kul'turnoi integratsii. In: Vzaimootnoshenie razvitiya natsional'nykh yazykov i kul'tur. Moskva, 1980. S. 101—119. {M. N. Guboglo. Bilingualism and processes of cultural integration. In: Interrelation in national languages and cultures development. Moscow, 1980. P. 101—119.}

Joseph 2004 — J. E. Joseph. Language and Identity: National, Ethnic, Religious. Palgrave Macmillan, 2004.

Kashkin 2018 — E. V. Kashkin. Polevoe izuchenie vostochnykh govorov gornomarijskogo yazyka: lingvisticheskaya ekspeditsiya MGU. In: XVII Ignat'evskie chteniya. Materialy dokladov I vystuplenij. Yoshkar-Ola, 2018. S. 3—12. {E. V. Kashkin. Field study of eastern dialects of Hill Mari language: MSU linguistic expedition. In: XVII Ignatiev's readings. Materials of reports and presentations. Yoshkar-Ola, 2018. P. 3—12.}

Kozlova 1978 — K. I. Kozlova. Ocherki etnicheskoi istorii marijskogo naroda. Moskva, 1978. {K. I. Kozlova. Outlines of Mari people's ethnic history. Moscow, 1978.}

Kondrashkina 2016 — E. A. Kondrashkina. Yazykovaya situatsiya v Respublike Marii Ehl. In: Yazyk i obshchestvo. Ehntsiklopediya. Moskva, 2016. S. 746—752. {E. A. Kondrashkina. Language situation in the Republic of Mari El. In: Language and society. Encyclopedia. Moscow, 2016. P. 746—752.}

Konstitutsiya — Konstitutsiya Respubliki Marij El [The Constitution of the Republic of Mari El]. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_marij/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/.

Kutsaeva 2020a — M. V. Kutsaeva. Mariisko-tatarskie yazykovye kontakty v zerkale yazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020, 4 (39). S. 7—23. {M. V. Kutsaeva. Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari. In: Ural-Altaic Studies. 2020, 4 (39). P. 7—23.}

Kutsaeva 2020b — M. V. Kutsaeva. Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoi diaspore moskovskogo regiona. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2020. {M. V. Kutsaeva. Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of Moscow region. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.}

Kutsaeva 2021a — M. V. Kutsaeva. Rannee osvoenie etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 3 (33). S. 49—58. {M. V. Kutsaeva. Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 3 (33). P. 49—58.}

Kutsaeva 2021b — M. V. Kutsaeva. Funktsii etnicheskogo yazyka v marijskoj diaspore moskovskogo regiona. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 4 (34). S. 58—72. {M. V. Kutsaeva. Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2021, 4 (34). P. 58—72.}

Kutsaeva 2021v — M. V. Kutsaeva. Novye nositeli marijskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore. In: Rodnoj Yazyk. Lingvisticheskij Zhurnal. 2021, 2. S. 5—34. {M. V. Kutsaeva. New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality. In: Native language. Linguistic journal. 2021, 2. P. 5—34.}

Kutsaeva 2022 — M. V. Kutsaeva. Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rayonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo yazyka v Respublike Marij El). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 1 (44). S. 116—153. {M. V. Kutsaeva M. V. Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El. In: Ural-Altaic Studies. 2022, 1 (44). P. 116—153.}

Materialy — Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye voprosy izucheniya marijskoj traditsionnoj religii» (25 iyunja 2020 g.). In: Finno-ugrovedenie, 2020. S. 143—212. {Papers of the interregional scientific and practical conference “Topical issues of the study of the Mari traditional religion” (June 25, 2020). In: Finno-Ugrovedenie. 2020, 61. P. 143—212.}

Penkova 2017 — M. V. Penkova. Russko-gornomarijskaja gruppa. In: Ostavajas' so svoim narodom... (K 90-letiju so dnja rozhdenija professora L. P. Vasikovoj). Sost. N. A. Fedoseeva, G. A. Ertsikova. Yoshkar-Ola, 2017. S. 34—47. {M. V. Penkova. Russian-Hill Mari Group. In: N. A. Fedoseeva, G. A. Ertsikova (eds.). Staying with your people ... (On the 90th anniversary of prof. L. P. Vasikova). Yoshkar-Ola, 2017. P. 34—47.}

Sepeev 2006 — G. A. Sepeev. Istoriya rasseleniya mariitsev. Yoshkar-Ola, 2006. {G. A. Sepeyev. History of Maris' settlement. Yoshkar-Ola, 2006.}

Shvetsova 2008 — G. N. Shvetsova. Obrazovatel'naja politika v uslovijah modernizatsii regional'noj obrazovatel'noj sistemy: Monografija. Yoshkar-Ola, 2008. {G. N. Shvetsova. Educational policy in the context of modernization of the regional educational system: Monograph. Yoshkar-Ola, 2008.}

Smith-Christmas 2016 — C. Smith-Christmas. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016.

Vasenina 2019 — O. N. Vasenina. Variativnost' metodiki v prepodavanii mariiskogo yazyka v shkolakh Respubliki Marii Ehl. In: Natsional'naya kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Iyvan Kyrila ludmash" (Ioshkar-Ola, 31 marta 2017 g.): Ministerstvo kul'tury, pechati i po delam natsional'nostei Respubliki Marii Ehl, MarNIIYaLI, Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2019. S. 240—245. {O. N. Vasenina. Variability of methodology in Mari-language teaching at schools in the Republic of Mari El. In: National culture in social space and time: papers of V interregional scientific-practical conference. Yoshkar-Ola, 2017. P. 240—245.}

Vasikova 1996 — L. P. Vasikova. Ravenstvo podlinnoe i mnimoe. O chem možhno sporit' i chto prinitat' kak dolzhnoe [Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta zakona o yazykakh]. In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marii Ehl. T. 1. Moskva, 1996. S. 109—116. {L. P. Vasikova. Real and false equality. What can be argued about or taken for granted [Public discussion of a Law on Languages]. In: M. N. Guboglo (ed.). The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184—195.}

VNP 2010 — Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. {The All-Russian Census of 2010.} https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf, 2010.

Zakon Respubliki Marii Ehl o yazykakh — Zakon Respubliki Marii Ehl "O yazykakh v Respublike Marii Ehl". In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marii Ehl. T. 2. Moskva, 1996. S. 184—195. {Law of the Republic of Mari El "On the languages in the Republic of Mari El". In: S. M. Chervonnaya, M. N. Guboglo (eds.). The wakening of Finno-Ugric North. The Mari El experience. Vol. 1. Moscow, 1996. P. 184—195.}